



Владимир Шапко

Железный старик и Екатерина

Владимир Макарович Шапко

Железный старик и Екатерина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29807374

SelfPub; 2018

Аннотация

Этот роман о старости. Об оптимизме стариков и об их стремлении как можно дольше задержаться на земле. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава первая	4
1	4
2	12
3	17
4	21
5	26
Глава вторая	34
1	34
2	41
3	46
4	52
5	56
Глава третья	61
1	61
2	67
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава первая

1

С некоторых пор, приходя с улицы, он перестал запира́ться на засов. Закрывал дверь только на один английский. При том не сдвигая вниз собачку. Если случится внезапно дать дуба – дэзовскому слесарю легче будет подобрать к замку ключ, чем выламывать железную дверь фомкой. Или того хуже – резать автогенom. Или (совсем уж крайний случай) – обдалбливать железную обвязку двери перфоратором. На глазах у испуганных соседей. Кошмар!

Ночами, перед тем как заснуть, часто не мог вспомнить – правильно ли закрылся. Он вставал, открывал первую, деревянную, дверь, и убедившись, что мощный засов отодвинут от паза, – возвращался в постель. Теперь уж дверь точно без особого труда вскроют. Когда услышат на лестничной площадке непонятный запах. А потом и вонь.

В тот год его особенно стала поражать тупость снегоуборочных служб. Вместо того, чтобы просто замести выпавший снег за собой крутящимися щётками – они стали резать тротуары грейдерами, доводя снег на них до лоснящегося блеска, на котором пешеходы только подлетали и падали.

Свежий притоптанный на гололёде снег – тоже срезали.

Упорно возвращали гололёд, назад, людям. Да ещё украшали его пропаханными бороздами и ровными ледяными квадратами.

На таких тротуарах стал бояться сломать ногу. Или вовсе – шейку бедра. Несколько раз пытался заказать по интернету ледоступы. Но везде продавали только партиями. В пятьдесят, в сто пар. Тогда он купил длинные, хорошо закалённые шурупы с большими шляпками. Сквозь каблук зимних ботинок вывернул наружу. По семь шурупов на каждом каблуке. Теперь он пробивал любой лёд. В шипах ходил на манер скалолаза на отдыхе. Его стали выносить из магазинов. Под руки и под ноги. Особенно из тех, в которых пол очень гладкий. Полированный. Но он не унывал. Старался смешиваться с покупателями. И тогда даже успевал купить кое-что. Пока его опять не вынесут.

К себе на третий этаж поднимался неуклюже. Вроде рыцаря в доспехах. Клацал на весь подъезд. Однако соседи больше не удивлялись, только липли к стенам. Линолеум в прихожей у него стал походить на решето. Зато он стопроцентно был защищён теперь на улице. Уже автоматом закрывался на один английский. Железный толстый засов исключив полностью. Помимо гололёда, он защищался от перфоратора.

Не уберётся летом. Но от другого. Сильно обварил руку. Пришлось идти в поликлинику. Через неделю его остановила на улице какая-то женщина:

– Здравствуйте, Сергей Петрович. Как ваша рука?

Он безропотно протянул руку. Будто ободранную куницу. Он не сразу узнал эту женщину. Без её белого халата и колпака. Медсестра. Из поликлиники. Был в процедурной один раз, а почему-то запомнила по имени-отчеству.

Склонив голову, женщина разглядывала ожог. Кожа руки чувствовала чужое дыхание. Завитки волос на сутулом загрбке женщины роднились с ковылём.

– Ну что ж, струп образовался неплохой, – отпустила, наконец, руку. – Только рановато вы сняли повязку, Сергей Петрович. Жара, пыль. Нужно было ещё разок прийти к нам. Я бы наложила мази, ещё раз перевязала.

Он пробормотал что-то. Напряжённо постоял под взглядом женщины. Ожидающей словно ещё чего-то от него.

– До свидания, Сергей Петрович, – сказала, наконец. – Поправляйтесь.

Пошла. Широкое плотное тело задвигалось под скользким шифоном. Вроде какой-то беспокойной маслобойни. Не могло найти под ним места.

Он тоже пошёл. Ничего не видел вокруг. Ослеп. Точно блудливо насмотрелся недозволенного. Электросварки, к примеру. Вот ещё старый козёл!

Через месяц, поздоровавшись и опять назвав его по имени-отчеству, она подсела к нему на пустой автобусной остановке. Он собрался на дачу. Был в камуфляжных штанах, с рюкзаком на коленях.

– Вы меня не помните? – спросили его очень вежливо. Так

спрашивают коматозного больного в психиатричке.

Он уже злился. Косился на дерево рядом. Отмечая на нём тремор листьев в некоторых местах. Явный паркинсон. Сказал, что помнит. Спасибо за перевязку. И вообще – за внимание.

– Нет, нет, Сергей Петрович, ещё раньше? До вашего ожога? До поликлиники? Не помните?

Он посмотрел внимательней на женщину. Лет пятидесяти она. Скуластое лицо с широко поставленными глазами. Причёска поднята вверх, в виде ананаса. На открывшейся шее всё те же завитки волос.

– Нет, извините, не припомню. Мне вообще-то восьмой десяток. Мог забыть.

Женщина разглядывала его, улыбалась.

– Я знала вашего сына. Алёшу. Ещё до его Афганистана. Бывала в вашем доме. Тогда жива была ещё Надежда Семёновна.

Старик не вспоминал. Мягко дала ему наводку:

– Я была подругой Лены Майоровой. Невесты вашего сына...

Старик испуганно раскинул склероз:

– Лиза, кажется?.. Нет, Катя. Екатерина!

– Да. Катя Городскова. – Она мягко тронула руку больного: – Вот видите, вспомнили.

В день рождения, в августе, она вдруг пришла к нему до-

мой. Со своим внуком. Кудрявым мальчиком лет девяти. По имени Роман. Можно просто – Рома.

Растерянно он встречал незваных гостей. В прихожей сгибался, подавал им тапочки, лихорадочно соображая: – как, от кого они узнали точный день его рождения – 10-е августа. Потом догадался – в регистратуре.

Они сразу вручили ему подарок – мобильный телефон и провод с зарядным устройством. Зарядку. «Я забил в мобильник и свой, и бабушкин номер, – важно сказал Рома. – Будете теперь звонить нам в любое время». А зачем, хотелось спросить. Но – ладно.

Перед их приходом он сидел на кухне с чекушкой и немудрёной закуской. Сильно смутился. Точно пойманный на нехорошем. А она уже доставала из сумки продукты и железные судки с приготовленной ею едой. Появилась и бутылка вина с пристяжной бутылочкой фанты. Засучила рукава и принялась хлопотать.

В комнате, косясь на приплывающие тарелки, он учился у Ромы пользоваться *мобилой*. Маленький пальчонок учителя запросто играл с цифрами. Ну, теперь понятно? – спросил полноватый мальчишка с широко расставленными, как у бабушки, серьёзными глазами. Он сказал, что понятно. Тоже медленно потыкал в циферки и значочки.

За столом, после того как бабушка и внук чокнулись с ним, именинником, и отпили из бокалов (бабушка вина, внук фанты), ему доложили, что Рома приехал к бабушке на

летние каникулы, что живёт он в Москве и что папа Ромы (сын Екатерины) в Москве работает в министерстве. Очень нужным референтом. Правда, министерство названо не было.

Увидев шахматную доску на серванте, Рома предложил Сергею Петровичу сыграть партию. И пока мальчишка и старик думали и переставляли фигуры, женщина, допивая чай, смогла спокойно осмотреться.

Мебель в комнате стояла прежней. Только за тридцать лет сильно постарела. Обеденный громоздкий стол из цельного дерева выцвел и покрылся разводами, как будто впитал в себя много разлитого кофе. Монолитно плесневели, казалось, всё те же тома в книжном шкафу. Телевизор, как покойник, был прикрыт облезлой бархатной тряпкой. Будто сажёй измазанные мягкие стулья. Сервант с просохшим темным стеклянным нутром. Всё тот же засаленный диван, к которому пристроились сейчас шахматисты. Никак не умирающие на стене, кряхтящие и восстающие каждый раз неожиданно, часы с боем. (Ударили половину девятого.) Даже доисторический абажур по-прежнему пыльно освещал всё это убожество вокруг.

Что и появилось нового, так это прожелтевшая уже, видимо, бэушная башка компьютера с блеклым экраном, на котором размыто проступила страница Яндекса со строчкой «Новых писем нет».

Ещё не видела Екатерина никогда фотографии, которая

висела сейчас прямо над шахматистами. С молодым Алёшкой и Сергеем Петровичем. Они стояли как два дембеля, пустиив руки по плечам друг другу. С одинаковыми весомыми носами. Типа каменных топоров. Только Надежды Семёновны почему-то с ними рядом не было.

Партию старик с позором проиграл. «Мат!» – сказал Рома. Встал и потрянул растерянную руку.

Ещё пили чай. После девяти гости наконец ушли. Однако вскоре начал ползать по столу подаренный мобильник. Зудеть жуком навозным. Как учили, Дмитриев смело открыл верхнюю крышку, приложил к уху и твёрдо сказал: да! Оказалось, что бабушка и внук благополучно прибыли домой. Отлично, сказал он, спокойной ночи!

Долго не мог уснуть. Всё вспоминал гостей. Одной породы бабушку и внука. Их одинаковые, широко расставленные спокойные глаза, их одинаковые широкие скулы.

И начались странные эти визиты. До самого отъезда мальчишки в Москву, они являлись к нему почти каждый день. И всегда ближе к вечеру. Рома сразу, как у себя дома, доставал с серванта шахматную доску, садился на диван, расставлял фигуры. И смотрел на него, старика: мол, ну, что же ты, давай, садись. Отыгрывайся. И он безропотно садился и отыгрывался. Тем временем на его кухне всю хозяйничала Екатерина.

Потом втроем ужинали. Или просто пили чай. Разгова-

ривали. Девятилетний Рома рассуждал вполне здраво. По-взрослому.

Они уходили. И вскоре начинал ползать и раздуваться мобильный телефон. Это означало, что они уже дома. Он говорил им «спокойной ночи».

Каждый раз он ломал голову: почему они приходят? Кто он им? Чужой семидесятитрёхлетний старик. Что им нужно вообще от него? Мальчишка – ладно: шахматист, но что нужно Екатерине? Загадка.

Почти совсем не говорили о прошлом, о без вести пропавшем сыне в Афганистане в 80м году, об умершей через год после этого жене, Надежде Семёновне. Всё какие-то пустые разговоры. Или, на худой конец, шахматы с мальчишкой.

Грешным делом, он заподозрил её в корысти. Но оказалось, что у неё самой такая же двухкомнатная квартира. Тогда вообще для чего всё это? Неужели похотливого козла какого-нибудь разглядела в нём, в старике? Но тоже не похоже. Хотя далеко не старая ещё. Как говорится, сорок пять ягодка опять. Только крупноватая, пожалуй, ягодка, Тяжёлая. Если, к примеру, попытаться на руки поднять.

2

Первый раз она увидела его в прошлом году летом. Сразу после переезда из Сургута. Увидела на Красина. И – как толкнули в грудь: навстречу шёл сильно постаревший Алёша Дмитриев. Старик Алёша Дмитриев. Молодым пропавший тридцать лет назад. Сейчас в пенсионерской сизой кепке, в клетчатой рубашке.

Она не смогла остановиться. И он прошёл мимо.

В купленной пустой квартире она сидела среди узлов и чемоданов, никак не могла прийти в себя. Встреча с Дмитриевым, отцом Алексея, всколыхнула давнее, как оказалось, незабытое.

Зимой он пришёл в поликлинику. Сидел в очереди к терапевту. В мятом костюме, как нищий удерживал в руках старую облезлую шапку. (Даже такую бросовую в раздевалке не взяли.)

В регистратуре она посмотрела его карточку. Тетрадка оказалась тоненькой. Фамилия, имя-отчество, год рождения. Два-три ОРЗ, одно посещение окулиста. И – всё. Старик был практически здоров.

Летом пришёл с сильным ожогом. Как сам рассказал врачу, с электроплиты при помешивании пельменей съехала на другую руку эмалированная кастрюля с кипящим бульоном. Он успел только подпрыгнуть. При обработке раны – не пик-

нул. Железный старик. Она работала щадяще, но быстро. «Через два дня приходите снова на перевязку». Не пришёл. Но вскоре увидела его на улице. В жару. С открытой коркой на запястье.

На этот раз остановила без всяких. Осмотрела струп. Заживает как на собаке. «И всё же, Сергей Петрович, нужно прийти к нам ещё раз. Струп открыт, может попасть грязь. Я бы наложила ещё раз повязку». Будто бы не услышал. Нахмуренный, пошёл дальше.

Наконец однажды решилась. Подсела к нему на остановке. Собравшемуся, видимо, на дачу. Не обращала внимания на недовольное, даже злое лицо. И всё-таки разговорила...

Больно было смотреть потом, как растревоженный старик полез в переполненный автобус, как прищемило его рюкзак дверями, и он дёргал его за собой. Потом смирился, так и уехал с зажатым дверцами рюкзаком.

В июле приехала сноха Ирина. Привезла Ромку. Стало не до старика. Только в августе опять вспомнила о нём. О его дне рождения.

В прихожей старик был судорожен, дик. Подавая тапочки, опрокинул всю обувную полку. Извинялся. Наклонённая лысина его побагровела, налилась кровью. В кухне будто прятал любовницу, загораживая путь. С большой сумкой она всё же прошла – и раскрылся тогда на кухонном столе жалкий одинокий праздник старика. Разорённая закуска на двух тарел-

ках, наполовину отпитый, точно поперхнувшийся стопарь, независимая, как посторонняя всему – чекушка.

Екатерина принялась за дело.

– Как вы поживаете, Сергей Петрович? – спросила она его по-свойски, когда немножко размякла от вина. – Давно на пенсии?

– Семь лет, – сухо ответил старик.

– А почему не продолжаете преподавать?

– Есть молодые преподаватели, более знающие, – так же сухо последовал ответ.

Та-ак. Вопросы больше задавать не следует. Тем более, что он вышел из-за стола и уселся с Ромкой за шахматы. Как отгородился..

Бедняга, смотрела она на него. Потом на несокрушимую его мебель, на включенный экран в углу всё с той же строчкой «Новых писем нет».

В прихожей он опять наклонял перед ними багровую лысину, освобождал от старой обуви дорогу к двери.

– Какой-то он напряжённый и хмурый был, – сказал не по возрасту умный внук, когда уже вышли на улицу. – Как наш папа. Когда тот не хочет говорить. Да и играл плохо. Тоже как папа. Всё время делал зевки. Надо подарить ему в следующий раз книгу с шахматными задачами. Как ты думаешь, ба, это поможет ему?

В конце августа приехала за Ромкой мать, и тот сам позвонил Сергею Петровичу. Попрощался до января. Дал несколь-

ко ценных советов по решению шахматных задач. Заодно назвал сайт в интернете. Нужно забить его в поисковик – и пожалуйста: этюды и задачи для любой шахматной подготовки. Сергей Петрович поблагодарил и пожелал доброго пути.

Когда уже разложили вещи в купе и вышли втроём постоять на перрон, неожиданно увидели его. В пенсионерской своей кепке, камуфляжных штанах и рюкзаком на плече он быстро шёл по перрону. Тянул голову, высматривал. Увидев, решительно направился к ним.

– Успел, – сказал одно слово. И повернул голову к станционным часам. Ни здравствуйте, ни до свидания.

Отвел Ромку в сторону, будто пришёл к нему одному. Достал из рюкзака и вручил мальчишке подарок. Большую раритетную книгу о великих шахматистах. Из своей библиотеки. «Тебе будет полезно, Рома», – сказал он, диковато глядя поверх мальчишки, точно оберегал его от опасностей. Он всё время поглядывал на станционные часы. Разговаривая, умудрялся фиксировать дрыганья минутной стрелки.

Машинально пожал руку какой-то молодой женщине с причёской в виде висящей столярной стружки. Оказалось, невестке Екатерины, матери Ромы. И тут же забыл, как её зовут. Однако та продолжала смотреть на него почему-то испуганно. И одновременно радостно. Точно не верила, что это он – Сергей Петрович Дмитриев, знаменитый артист. Надо же как изменился! Поворачивалась удивленно к свекрови.

Объявили отправление. Старик дёрнулся, словно не пове-

рил. Потом, как равному, пожал Роме руку, и тот с раритетным томом полез в вагон. Полезла за ним и мать со столярной своей причёской, всё почему-то оглядывалась на Сергея Петровича. Словно хотела запомнить на всю жизнь.

Он шёл и порывисто махал изгибающемуся составу. Однако лицо его было бесстрастно. Екатерина тоже шла и удивлялась резкой несочетаемости железного лица старика с его же порывисто машущей рукой. Как будто рука была чужая, пришитая к старику.

С вокзала они ехали одним автобусом. Сидели на одном сидении. На ухабах его плечо толкало её. Когда подъехали к её остановке, она пригласила его в гости. Посмотреть квартиру, как она живёт, попить чаю. А, Сергей Петрович?

– В другой раз, Екатерина Ивановна, – не глядя на неё, сказал он. Рюкзак удерживал растопыренными пальцами. Всеми десятью. Будто ревматическими клешнями.

Она попрощалась, сошла. Он с клешнями и рюкзаком покати́л дальше.

К семидесяти своим он окончательно превратился в желчного циника, в мизантропа, не верящего никому.

Проходя мимо оптимистичного истукана на площади и видя пары женихов и невест, ритуально выкладывающих цветы, он саркастически усмехался. Его поражало, как люди могут перевернуть всё с ног на голову. Черное назвать белым, белое чёрным. Теперь любая девка, надев пышное подвенечное платье и фату, разом превращается в девственницу, в самую непорочность и чистоту. Любой трепач в тараканьем костюмчике, поставленный рядом с ней – это уже жених, благородный рыцарь, готовый ждать первой брачной ночи вечно. И вот склоняются, кладут цветы. Тучный белый фантом и чёрненький тараканчик. И все – родители и сопровождающие – умилены, растроганы. Вытирают слёзы.

Не-ет, он видел этих лженевест и женихов насквозь. Он зрил в корень. Его теперь не проведешь. Шалишь! От перфоратора он защищён был и цинизмом. Ха! Ха! Ха!

Но иногда он мог ещё вспомнить, каким был всего лишь пять-шесть лет назад. Пока окончательно не выдавили из техникума. По утрам он просыпался ровно в шесть. Просыпался разом. После туалета как с гвоздя, в комнате сразу начинал зарядку. Делал махи прямыми ногами, стремясь достать носками ладони.

Пятнадцать минут седьмого его видели в парке. Бегущим в трениках. Прямые тощие ноги несли старика как ветки.

В ванной слеп под ржавой лейкой с колющими струями.

Завтракал. Старый холодильник «Минск» колотился рядом. Поражала его живучесть.

Собирался на дачу.

С рюкзаком ровно в полвосьмого был на остановке. Через минуту – как слизывался с остановки, исчезал.

Но это всё осталось в жизни другой, не его. Теперь он был больше циник. Ипохондрик, прислушивающийся к себе. Теперь он уже не делал жимы и махи, не бегал в парке. Всё с тем же рюкзаком он обречённо сидел на остановке. Автобус до дач теперь подходил всегда переполненным, не имел уже никаких расписаний. Как астматик дрожал, не мог отдышаться. С лязгом раскрывал дверцы. И он лез в его полнёхонькое душное нутро.

В этом году даче исполнилось пятьдесят. Она помнила ещё маленького Алёшку, который ходил-переваливался меж помидорных кустов, трогал плоды и поворачивал голову к родителям, видимо, поражаясь, что плодов так много, и они все красные.

Дома тогда на участке ещё не было. Надежда готовила на таганке, отворачивая лицо от струйного жара. Сам он с соседом долго копал общий колодец для двух участков. Из глубокой сырой тёмной утробы он дёргал верёвку, и бак с землей

уплывал наверх. Иногда на краю колодца возникали устремлённые в небо ноги жены, она показывала Алёшке «нашего папу» («Где он там спрятался? Ну-ка, посмотри!») Наш папа тарачился снизу как белкастый шахтёр. Сверлил сыну козу. Сын молчал, видимо, не узнавал отца. Улетал с материнскими руками в небо.

Шли на реку, на спокойную плавную протоку Оки. Вдоль берега Надя плыла по-бабьи – грудью накатывая вперед крутую волну и попеременными ногами выбивая высокие фонтаны. Голенький Алёшка в панамке ходил по песочку у воды, приседал и изучал сырые голыши. Любознательный, – умилялся отец, стоя на наклонённой берёзе. Как с вышки, ласточкой летел в воду. Мощным медленным кролем плыл на середину. Переворачивался на спину, раскидывал руки. Распятым крестом долго плыл куда-то вместе с высокими облаками.

Ночевали во времянке. Фанерная коробка поскрипывала. Сосед Колобродов ходил вдоль штакетника, любознательно слушал. По всему видать, Дмитриев крепко любил свою жену.

Из учительской в техникуме они шли в разные аудитории – она преподавать русский язык и литературу, он – электрометаллургию.

После дневных занятий, вечерникам он читал курс с уставшим сухим щегольством. Сложные технические термины произносились им сухо, чётко, без запинок. Так чита-

ют лекции, по меньшей мере, маститые академики. Работяги-вечерники забывали, что он такой же парень, как и они, только чуть старше, слушали его курс с раскрытыми ртами. Впрочем, не все. Две-три девицы, по-видимому, случайно залетевшие на курс, висели на кулаках – им было скучно.

Поздним вечером он шёл на окраину, к далёкому домику на Заречной, где его ждали жена с тётшей, где в кроватке спал, плавил губками бантики его сын.

Он мыл руки и садился к столу под тёплый свет абажура, к оставленной ему прикрытой полотенцем еде.

Жена правила потом вопиющую безграмотность будущих металлургов в их тетрадках. Он конспективно записывал лекции к следующему дню.

Склонённого над бумагами, она обнимала его сзади, со спины. Прижималась к нему. Он чувствовал чистый запах её волос. Он был счастлив. Ему было двадцать четыре года.

Пока Екатерина приходила к Дмитриеву с Ромкой, это выглядело безобидно и даже естественно: вот, пришла с пионером, проведать, узнать, что и как, помочь. Тимуровец играл со стариком в шахматы, развлекал, сама готовила что-нибудь на кухне, прибиралась там же.

Потом в комнате сидели за столом, ели или просто пили чай. Старались отвлечь пенсионера от дум его стариковских тяжких на два голоса.

Однако Ромка вскоре укатил в Москву, прятаться стало не за кого, и приходиться одной к Сергею Петровичу стало как-то не совсем удобно. И даже странно. Для соседей хотя бы по подъезду. Которые, спускаясь по лестнице, всегда смотрели на неё (даже с мальчишкой) во все глаза. Как на пучеглазую инопланетянку, по меньшей мере. Прилетевшую к Дмитриеву с довеском. Не иначе как за квартирой. Точно!

Теперь только изредка звонила. Раз, ну два раза в месяц. И хотя, поздоровавшись, сразу называла себя – в мобильнике каждый раз слышался удивлённый, сопровождающийся каким-то грохотом, поднимающийся голос. Словно из-за школьной парты: Да! Дескать, – не сплю! Старик или притворялся, или в самом деле не узнавал её.

Она спрашивала про здоровье.

– Я здоров, – сухо звучало в ответ.

Она предлагала помочь в чём-нибудь: сходить, купить продуктов. Приготовить. Помочь с уборкой. А, Сергей Петрович?

Школяр словно зависал на какое-то время в трубке.

– Это лишнее. Я сам.

Не получалось никакого разговора с ним. Ни лёгкого, ни серьёзного. Ни разу не спросил даже о Ромке. Как будто и не дарил ему книгу.

Отключался первым. Без всяких. После таких разговоров хотелось послать его к чёрту.

Медсестра Городскова Екатерина Ивановна с досадой захлопывала мобильник. Мыла над раковиной руки. Уже подкрадывалась большая старушечья попа по фамилии Пивоварова. Со спущенными штанишками. Втыкала в неё иглу. Как в дрожжевое тесто. «Легче, доча, легче», – вздергивалась старуха. Пришлёпывала ей вату со спиртом: «Держите!» – «Держу, милая, держу», – застывала Пивоварова в присогнутой позе, удерживая вату. Железный старик бы не дрогнул. Не-ет. Екатерина Ивановна помогала старухе одеваться.

Впрочем, один раз он позвонил сам. Невероятное дело! Голосом вроде бы потеплевшим сказал, что ему звонил Рома. Из Москвы. И они, как он выразился, побеседовали. Говорили о шахматах. Да. Она попыталась закрепить успех, опять стала предлагать помощь. По дому. Он тут же отключился. Чёрт бы его побрал!

На другой день она увидела старика в парке. Бегущим

трусой по аллее. В шапочке, в тёплых спортивных штанах, в свитере с оленями (было начало декабря). Не прекращая трусцу, он оббежал её три раза и попросил точный Ромкин адрес. И дальше побежал, пухая за собой морозцем. На ходу крикнув: «Позвоните!» Она пошла дальше, оборачиваясь, спотыкаясь. А шапочка с большим помпоном уже моталась за оградой парка.

Вечером пришла к нему домой.

Он встретил её вполне доброжелательно. Принимая пальто и шапку, скосил даже улыбку. Вроде insultника – на бок.

Прошли в комнату. Сели за стол. Он заговорил как всегда чётко:

– В этом месяце у Ромы день рождения. Десять лет. Я хочу поздравить его телеграммой. И сразу послать бандероль. Сюрприз. Нужен точный адрес его.

И застыл с приготовленной бумагой и ручкой.

В груди у бабушки потеплело. Чуть ли не по слогам, начала диктовать московский адрес внука.

– Как фамилия Ромы? – спросил он хмуро. Как в отделе кадров.

Она назвала.

Он вскинул брови:

– Но позвольте! Это же ваша фамилия. Девичья. И он Городсков, что ли? Кто же его отец?

– Его отец – мой сын. Валерий Алексеевич Городсков.

По напряжённым глазам старика было видно, что он ни-

чего не понимал. Его словно обманывали.

Екатерина Ивановна мягко разъяснила:

– ...Когда я родила его в 81-ом году – записала на свою фамилию. Понимаете теперь, Сергей Петрович?

Он смотрел на неё с испуганным удивлением. Не веря. Она была матерью-одиночкой. Родившей без мужа. Её фамилия перешла не только к сыну, но и к внуку. Тогда так и напишем под адресом: *Городскову Роме*.

И хотя потом пили чай, напряжённые глаза старика всё переваривали услышанное.

Она хотела позвонить Ромке, обрадовать, сказать, что скоро он получит бандероль. Подарок. Но удержалась. Пусть это будет действительно сюрпризом. Подкрадывающейся старушечьей попе (Пивоваровой) поставила укол лихо – хлопнув по ней ладошкой и тут же воткнув иглу. Старуха даже не успела ойкнуть. Застыв, удерживала вату. «Спасибо, доча, сегодня было совсем не больно». Городскова улыбалась. Быстро работала на белом столе с ампулами и одноразовыми шприцами разных размеров. От крохотных до лошадиных.

В уходящем году решила позвонить Дмитриеву ещё раз. Вечером 31-го. Поздравить с наступающим. Однако в трубке опять захлопалась крышкой школьная парта, прежде чем вскочил хриплый голос: да! Дескать, всё так же не сплю!

После поздравлений и пожеланий здоровья, сообщила, что Рома и телеграмму, и бандероль с новой книгой получил.

– Я знаю. Он мне звонил. Спасибо за поздравление. Вас

тоже с праздником. Рому жду в январе. В гости. До свидания.

И Дмитриев, как всегда, отключил мобильник первым.

Но сразу опухло: только мальчишку пригласил. Как будто бабушки нет у него... Чёрт!

Положил мобильник на кухонный стол. Непонимающе смотрел на ядовито-бурый винегрет, на цельную снулую сельддку на доске, На запотелый, зачем-то раньше времени вынутый из холодильника чекмарь. Зачем всё это?

Присел на табуретку.

Всегда летом почему-то подкрадывалась ипохондрия. Он чувствовал её приходы. Напрягался.

С тревогой слушал пульс, работу сердца. Странные явления в районе желудка. Повыше, в подвздошной части. Бега-нья каких-то змеек по голове.

Он решительно вставал и начинал делать махи. Ногами. К вытянутым рукам. Или бегал в парке. Тощий. Оскаливая пасть.

Мимо цветников из старух пробегал иноходью. С высоко подкидываемыми коленями. Привет старым пердуням!

Дома давал себе контрастный душ. Вытираясь, вновь чувствовал силу. Он знал твёрдо: старость – это борьба. Борьба с собой. А не бездельное выгуливание себя по улице. С за-ложенными назад руками. И уж тем более не высиживания яиц на скамейках.

Дзот банкомата он накрывал собой полностью. Глухо. Ни-каким матросовым шанса не давал. Он щёлкал клавиши быстро, уверенно. Выдёргивал тонкую пачку и уходил. Ста-рость – не бла-бла на скамейках. В обнимку с костыликом. С подобными тебе. Старость – это борьба. За достойную жизнь. В своём конце. В конце-то концов!

В почтовом отделении он платил коммунальные. Выкла-дывал на стойку перед девицей в окне ровно десять платё-

жек. И сразу приготовленные точные деньги в рублях и копейках. Девушка забирала платёжки и вносила данные в компьютер. Лихо отрывала квитки. Начинала тыкать калькулятор. Называла сумму. Тоже в рублях и копейках. С ухмылкой он просил пересчитать. Ещё со школы он складывал и вычитал любые цифры мгновенно. Он был гордостью школы. Его можно было показывать в цирке. Девушка этого не знала. Зло начинала опять стучать по кнопкам. Грушковые щёчки её потрясывались. И опять он говорил, что неверно. Девушка снова перебирала десять квитков и тыкала. В школе она была двоечницей. Он всегда оказывался прав – цифры в калькуляторе наконец-то совпадали с приготовленными деньгами на стойке. В рублях и копейках, чёрт побери! Он двигал деньги и выхватывал квитки. Добросовестнейшая очередь пенсов даже не возмущалась задержкой. Не могла закрыть свой единый рот: вот зану-уда! Победно он уходил из отделения почты. Он никогда никому ни за что не бывал должен. Он всегда платил по счетам. Но по точным счетам. Ему нет дела – тупая девушка или хитрюга. Он не маразмат с палочкой, приковылявший на почту. С ним не пройдёт!

Не утратив запал, шёл в ТСЖ. В товарищество собственников жилья. Теперь должны были ему. Шёл ругаться.

Месяц назад он заплатил им в кассу деньги на замену стояка для горячей воды. У себя. В большой комнате. Стояк был уже весь в хомутах и каких-то замазках. Не менялся с 80х годов. «Вы что, хотите, чтобы в отопительный сезон я залил

весь подъезд?» – выговаривал он сердитым тоном управляющему.

Чернявенький мужчина с грибницей на голове не дал сбить себя с толку, выбежал из-за стола: «А вы заплатили за ТСЖ? – предъявил свой счёт. Ехидный. Придвинувшись прямо к лицу: – За уборку территории? Дворникам, бесплатным слесарям (оксюморон)?» «Да вот же, вот! – показывал квитанции Дмитриев. – Заплачено за полгода вперёд. Вы меня хотя бы раз видели в списках неплательщиков? Вы же не работаете. Вам же никто не платит. Долги вывешиваете с десятками квартир».

Старикан, видно было всем, давно превратился в желчь ходячую.

– Ладно, пришлём, – нахмурился чернявый. – Завтра. Сегодня все на объектах. Мария, запиши.

Ни черта не пришлёт! Дмитриев вышел на крыльцо. Платком вытирал лицо. Смотрел на раскинувшийся грязный двор с давно пустыми детскими песочницами, с пеньками от оторванных скамеек, с гнилой пустой беседкой для старух.

Шёл и с удивлением оборачивался на искривлённые детские качели. Которые местный Васька Буслаев хотел, видимо, завязать узлом. Но не смог. Был поддат. Поэтому только смял, сдвинул штанги. Очень близко. Одну к другой. И бросил. Пусть так повисят, заразы.

У Дмитриева во дворе было то же самое: коробка песочницы без песка, в которую, казалось, никогда не ступала

ножка маленького человечка, те же пеньки от скамеек, гнилая, с давно осыпавшейся краской корзина под старух. Хотелось вернуться и спросить у чернявого: и где же твоё благоустройство дворов? Работа твоих дворников? Жулик!

Дома смотрел на стояк в комнате. Если брать по Маяковскому, стояк в хомутах уже походил на флейту водопроводных труб. Придётся частного нанимать.

Мрачно хлебал щи. Здесь же, в комнате. В телевизоре что-то мелькало. Пригляделся.

Спортивная передача. Волейбольный матч. Мяч летал через сетку. Парни, взлетая, с маху били. После удачи сразу объединялись в бабье истеричное содружество. Не забывали похлопаться. Все акселераты. Высокие и ровные как доски. Снова расставлялись по номерам. Тоже когда-то играл. Только не было в то время таких длинных и ровных, не объединялись, чтобы похлопаться, да и на подачах не взлетали, как взлетают у сетки.

Дмитриев взял пульт, переключил канал.

В фильме развязный парень что-то вещал. Стоял в профиль. Повернулся. С золотым наглым зубом. На майке было начертано:

СЕКС-ИНСТРУКТОР

Первый сеанс бесплатно

Да полудурок ты этакий! Дмитриев вырубил телевизор.

Накинул тряпку.

Помыв посуду, стал работать с архивом. С лекциями, в своё время записанными им в толстые тетради. Просматривал, вносил дополнения, правил. Потом в компьютере открывал файлы и переносил готовое в них. Был деловит. Работы хватит на год. А то и два. Без всяких стояков и ипохондрий!

Нажал на кнопку интернета, чтобы посмотреть, сколько градусов за бортом. Жарковато что-то. Старый, списанный в техникуме компьютер кряхтел, крутил где-то внутри себя шарманку, никак не открывал Яндекс. Открыл, наконец. Ага, сегодня 25. Вот и духота в комнате. Вдруг увидел в почте 1 новое письмо. Поспешно кликнул. На абсолютно пустом поле для входящих – вверху строчка: «Поздравляем!» Открыл письмо. «Уважаемый Дмитриев! Команда Яндекса поздравляет Вас с Днем рождения!» И дальше шли предложения всяких инноваций от Яндекса.

Старик тупо смотрел на обращение «Уважаемый Дмитриев!» Надо бы: Уважаемый *гражданин* Дмитриев!» Теплее бы было. Гораздо.

Удалил письмо. Вернулся на домашнюю.

Долго смотрел на вновь возникшую надпись «Новых писем нет».

Старик был один. Давно один. Во всей вселенной интернета никому до него не было дела.

Года три назад столкнулся в городе с завхозом технику-

ма. Даже не сразу узнал. Не мог вспомнить его фамилию. «Финеев я! Финеев! Сергей Петрович!» – чему-то радовался подвижный мужчина с глазами хитрована. «А-а», – протянул старик. Хотел спросить «как жизнь?», но передумал. Стоял, воротил лицо с намерением идти дальше. Своей дорогой. Встречать в городе бывших сослуживцев было всегда неприятно. Как будто из техникума был не просто уволен, а с позором выгнан. После какого-нибудь проступка. Попадание, скажем, в вытрезвитель. После чего дальше преподавать в техникуме было просто невозможно. Однако Финеев всё чему-то радовался, тараторил как раз про техникум. Кого – куда – вместо кого – и зачем. Неожиданно спросил:

– У вас есть компьютер, Сергей Петрович?

Дмитриев сказал, что нет. Хотел добавить, что не по карману компьютеры теперешним пенсионерам, но опять передумал.

– А хотите мы вам подарим компьютер? Сергей Петрович?

Дмитриев нахмурился.

– Кто это мы?

– Мы – администрация техникума. Да я, в конце концов, я! Мы списали четыре компьютера. Я вам подберу самый лучший. А?» И видя, что старик колеблется, тут же ударил убойной фразой для всех пенсионеров: – «Совершенно бесплатно!»

Дмитриев представив, что нужно идти за компьютером в

техникум и видеть опять все эти... лица, начал отказываться.

Финеев мгновенно понял, что старик просто не хочет идти на прежнюю работу – предложил привезти компьютер домой. «Прямо к вам, Сергей Петрович?»

И привёз-таки. На другой же день, увешенный проводами и всякими причиндалами, он в обхват вносил в квартиру большую башку с мутным экраном.

Сам установил, настроил. Показал элементарное.

Потом пили чай. Завхоз был как дома. Дмитриев пылал словно огонь. Такая встряска! Компьютер, упавший с неба. Мало знакомый человек вместе с компьютером. Его вопросы. Всё норовил влезть в душу. Как вы теперь, Сергей Петрович? Не скучаете ли по работе? А вам какое дело? – хотелось огрызнуться.

Завхоза звали Валентином Ивановичем. Можно просто Валентин, сказал он при прощании, пожимая руку. «Звоните в любое время, Сергей Петрович. Всегда отвечу на ваши вопросы. А если комп заглохнет – приеду, помогу».

Правда, до этого не дошло. Ни до вопросов, ни до приездов самого Валентина. Аналитичный, упорный Дмитриев освоил компьютер сам. И довольно быстро.

Ещё в то время сдуру зарегистрировался в Одноклассниках. И повалила сразу на почту такая чушь, такие отстойные, как сейчас говорят, фотографии стариков и старух (лжеодноклассников), такие их открытки с виньетками и кошечками в бантиках, что через неделю не выдержал и пост свой

удалил.

С тех пор нередко замирал перед компьютером. Чем-то напоминая сыча на дереве. Который смотрит в ночной космос и видит только одну достоверную надпись из звёзд – *новых писем нет.*

Глава вторая

1

Ромку он называл – только Ромой. Её же – то Катей, то Екатериной, то Екатериной Ивановной. Однако на сухом лице его от этого не менялось ничего. Всё зависело, видимо, от внутреннего состояния старика. Если «Катя» – настроение хорошее. К примеру, во время чаепития. Втроём: «Катя, помните, как ездили за город на пикник? Мы с женой и вся ваша молодая компания? Какое замечательное было время». При этом на тебя смотрят глаза совершенно равнодушные. Глаза снулого судака. Если же он называл её «Екатериной» – тут уже серьёзней. К примеру, оторвавшись от шахмат с Ромкой: «Екатерина! Не нужно ничего передвигать у меня. Ни тумбочку, ни кресло. У меня всё стоит на своих местах». Так. Ладно. Терпимо. Дальше играют. «Екатерина Ивановна! (О! Назвал, наконец!) Ну сколько можно говорить – не убирайте у меня! Не мойте пол! Удивительно даже, честное слово!» Это уже совсем серьёзно. Однако и тут лицо не менялось. Только глаза выдавали себя – угли в чугунной печке. Да и Ромка в поддержку ему укоризненно смотрел. Явно осуждал её за дурную привычку – везде, где только можно, убирать. В полном смущении, чуть не на цыпочках она уходила в ван-

ную, сливала из ведра в унитаз грязную воды.

Смеялся он криво. Нехотя. Будто ему отшибли нутро. И даже таким они видели его раза два всего.

В телевизоре показывали фильм из жизни разночинцев. Солянка из повестей Чехова. Артисты Догилева и Юрий Богатырёв. В тесном доме со шторами на окнах и дверях – вечер-бал. Длинный пёстрый галоп из мужчин и женщин стремительно мчался из одной комнаты в другую вроде курьерского поезда или китайского карнавального разноцветного змея.

Дмитриев, прервав игру с пионером, какое-то время внимательно смотрел. И вдруг начал смеяться:

– Скачут боком и трясут дам как капусту! – Поворачивал отшибленный косоротый свой смех к ней, сидящей за столом. Приглашая и её посмеяться. Она недоумевала – что тут смешного? А он прямо до слёз – машет рукой, вытирает платком глаза. Не слышит даже зловещего предупреждения – «вам шах!» «Да ну же, Сергей Петрович! – теребит его Ромка. Дескать, возьмите себя в руки! Ещё один сухарь растёт. Совсем юный. Учит старого. Стойкости. Вот, успокоились, наконец, обрели себя, приклонились к доске.

– Смотрите, Катя! Смотрите! – вскричал он в другой раз. И опять засмеялся, скосив рот. А в телевизоре просто два кенгуру валтузили друг дружку боксёрскими перчатками. Дети уже над этим не смеются. А он прямо заходится. Не богато оказалось с юмором у старика. Не то что у сына его

Алёшки или жены, Надежды Семёновны. Уж те умели пошутить и понимали толк в хорошей шутке или анекдоте. Даже Ромка смотрел на косо́й смех старика с недоумением. Впрочем, тоже рос не без вывиха. Там, где дети или взрослые смеялись – только улыбался. Принимая смех людей как неизбежность. Маленький взрослый человек. Стоик.

В январе, когда он прикатил на каникулы, на станции опять увидели Дмитриева. Только не на зимнем перроне, а возле самого вокзала. Тепло приобнял пионера, как внука. Похлопал. Да и Ирину вроде бы узнал – пожал ручку в разноцветной варежке. Широким жестом показал на такси. Чудеса!

Городскова, затиснутая между снохой и внуком – не могла взять в толк, откуда он узнал о приезде Ромки. Как-то забыв, что шахматисты давно звонят друг другу и отправляют эсэмэски. Пенсионер показывал на белый морозный город, оборачивался и пояснял, мимо чего они проезжают. Рома солидно кивал. Два единомышленника едут в такси, два друга.

Однако вечером он сидел за столом в её квартире – опять точно отгородившись ото всех. Ото всех, кроме Ромки. Он словно говорил ему: потерпи, мы на чужой территории. Шахмат здесь нет.

Диковато он смотрел на женщину в столярной стружке, опять напрочь забыв, как её зовут. Переводил взгляд на вздрюченный ананас Екатерины Ивановны, удивляясь его высоте. Как я попал сюда? Зачем? Спасительно трогал плечо

малолетнего шахматиста рядом: прорвёмся.

Ромка словно слышал его, кивал. Налегал на жаркое из кролика. Стал он заметно полнее. Однако старик, не обращая внимания на женщин, будто хозяин стола подкладывал и подкладывал ему в тарелку. Бабушка удивлялась: щёки внука двигались, как у хомяка.

– Сергей Петрович, хватит ему! Лопнет!

Ирина тоже подхватывала:

– Нельзя ему столько, Сергей Петрович!

– Ничего, пусть ест, – поощрял старик. Дескать, силы нам ещё понадобятся. В борьбе. (С кем?)

Независимо постукивал пальцами по столу. Поднимал свой бокал, когда тянулись к нему два других бокала, Почти ничего не ел. Просто ждал, когда всё кончится. Иногда поворачивался и с удивлением смотрел на стрельчатые, будто накалившиеся цветы, стоящие в стеклянной вазе на тумбочке. Словно забыл, что принёс их сам.

И сноха, и свекровь перед его приходом подвели глаза и подкрасили губы. Начипурились перед стариком. Завлекают. Да. Точно. Мумия будет перед ними сидеть, а всё равно накрасятся. Ну как же – мужчина. Хххы.

Иногда сноха Городской, перестав есть, начинала как-то откровенно и удивлённо разглядывать его. Необычные зелёные глаза её застывали, становились выпуклыми. Как медалионы. (Чего она хочет, в конце концов!) Забывали о всяком приличии. Так смотрят, встретив знакомого через мно-

го-много лет: он или не он? Да я это, я! – хотелось крикнуть старику.

Екатерина Ивановна старалась отвлечь сноху с замершей вилкой. Начинала расспрашивать о Москве, о Валерии-сыне и особенно об успехах Ромки в школе. (Хотя чего о них, успехах, расспрашивать – круглый отличник. С первого класса.) Ирина недовольно возвращалась к еде. Или поднимала бокал. Чтобы чокнуться с так и не узнанным.

После ухода гостя – в резиновых перчатках по локоть мыла посуду.

– Странный старик, мама. Тебе он никого не напоминает? – повернула лицо к свекрови.

– Нет, – подносила грязную посуду на кухонный стол Екатерина Ивановна.

– А ведь наш Валерий такой же замороженный. – всё ловила глаза свекрови сноха. Стряхнула воду с чистой тарелки и поставила на проволочную сушилку: – В гости даже с ним не пойдёшь,

Екатерина Ивановна нахмурилась. Но не вступилась за сына, зная, что это правда. Даром, что работает вторым референтом министра. «Ну-ка, дай-ка я домою».

Как только поезд с Ириной ушёл, Ромка сразу с вокзала повёл к Дмитриеву. Шахматы. Нельзя терять ни минуты!

– Мне же на работу, Рома! – шла, слабо сопротивлялась Екатерина Ивановна.

– Ничего, ба. Заведёшь – и на работу. Одному мне – неудобно.

Поднялись на третий этаж.

– Вот. Привела вам шахматиста, Сергей Петрович.

– Так давно жду, – удивлённо ответил пенсионер. Из раскрытой двери. И, едва Ромка вошёл, захлопнул перед носом бабушки дверь. Во всегдашней своей манере. Будто крышку своего мобильного. Правда, тут же высунулся: – Я его сам приведу к вам. Вечером. – И захлопнулся. Теперь уже окончательно.

Городскова спускалась по лестнице. Да-а. Каким ты был, таким ты и остался. Орёл степной. Козёл лихой.

Вечером, предварительно позвонив, привёл обязанного шарфом мальчишку. Будто доставил с Северного полюса. Но порог не переступил. Хотя дверь перед ним не захлопнули, напротив – широко распахнули. «В другой раз, Екатерина Ивановна». И строго сказал. – «Жду Рому завтра. До свидания».

Бабушка спросила, как поиграли в шахматы.

– Два-два, – важно сказал Рома, позволяя развязывать шарф. – Растёт старик.

– Ты хоть ел у него чего-нибудь, – снимала с внука пальто бабушка.

– Ел. Два раза. Сергей Петрович неплохой кулинар.

Взяв за плечи, Екатерина Ивановна с улыбкой разглядывала внука, как ещё одного замороженного. Оставшегося по-

ка что в наглухо завязанной шапке. С надутыми щеками.

Замороженный сердился. От такого панибратства. Ну, ба-а, снимай.

С трудом, не сразу развязала ремешки под подбородком внука. Затянутыми крепким узлом. Орёл степной на совесть постарался.

– Позвони матери. Узнай, как она едет. Не мёрзнет ли?

Когда втащились с чемоданом в купе – ощущение было такое, что втиснулись в ледяной ящик: пар шёл изо рта. Но проводница заверила, что тепло уже дали, вагон прицепной, через полчаса будет жарко. Вот увидите. А пока – чай принесу.

2

При первом знакомстве Ирина Городской не понравилась. На свадьбе в Москве, куда Екатерина Ивановна прилетала из Сургута на один только день, рядом с потерянным сыном она увидела надменную девицу с зелёными пустыми глазами и висящими ручьями волос. К тому же девица оказалась точным клоном своей матери с такой же свисающей причёской и пустыми глазами. Которые смотрели на новоиспечённую родственницу (Городскову) с большим недоумением. Как на упавшую с неба. (И откуда такая чумичка? С Севера? Что вы говорите!) Однако при прощании возле двухэтажного ресторана, в котором и прошла чопорная свадьба на пятнадцать персон, она практически поинтересовалась, сколько сможет внести «чумичка» денег на отдельную квартиру. И добавила даже игриво – «для гнёздышка нашим молодым». Быстро дотумкала, раз «чумичка» с Севера, денежки у неё есть. Муж чопорной (сват) на свадьбе был неуследим. Всё время убегал на первый этаж встречать какого-то Вадима Гедеоновича. (Запомнила по редкому отчеству.) Видимо, очень нужного человека.

Городскова тогда прямо сказала сыну в аэропорту: не по тебе ноша, сынок.

В самолёте, закрыв глаза, почему-то видела только чёрный потолок ресторана со светящимися дырами. В виде ле-

тающей тарелки. Зависшей над красноносыми галдящими инопланетянами.

Через год, когда у Валерия родился сын, Екатерина Ивановна, поколебавшись, взяла двухмесячный северный отпуск и опять прилетела в Москву. Теперь помогать невестке с новорождённым. Резонно подумав, что на модную маму Ирины надежды не будет никакой. И не ошиблась – за два месяца, что была с младенцем (Ромкой) увидела ухоженную бабушку только три раза. И то всё у неё было на бегу – поспешные попугайчики, погремушечки над кроваткой, ах ты маленький, и: мне пора, такси внизу ждёт! Свата же не увидела вовсе. Тот, видимо, всё бегал по Москве, искал Вадима Гедеоновича.

Что и сделали они хорошего для дочери и внука, так это купили квартиру. В новостройках Теплового Стана. И то большую часть денег за трёхкомнатную (однако «гнёздышко» для молодых!) выморщили у неё, Городсковой, через день названивая по телефону и называя «дорогой сватьяшкой». Не забывая, впрочем, и вернуть каждый раз: «Вы же понимать должны, здесь Москва, а не ваш Сургут».

Хорошо запомнив жену сына на свадьбе, через год Городскова её не узнала. В квартире в Тёплом Стане сновала молодая, совсем незнакомая женщина В байковом мятом халате, точно даже не сменившая его после роддома, всё время хлопотала возле сынишки. Надменная зелень в глазах растворилась, глаза потеплели. Ручьи по щекам тоже исчезли,

повязывала голову чистым белым платком.

Ребёнка родители назвали Романом. Роман не реагировал ни на какие посторонние «агу» словно бы из принципа. Был серьёзен и даже сердит. Как и его отец. Если принимался орать, то как-то обеззвученно и нежно, почти сразу теряя голос и крепко зажмуривая глаза. В ванночке бил одновременно и ручками, и ножками. И тоже серьёзно. Точно на мелководье учился плавать. И свекровь, и сноха работали быстро: одна брала из ванночки молчащий скрючившийся пудовичок, другая принимала в раскрытое полотенце, быстро просушивала, потом пеленала. Все процедуры с ребёнком напоминали слаженную работу двух санитарок в роддоме. Посреди вопящего младенческого войска на столах. Ирина схватывала всё налёту. Екатерина Ивановна была довольна. От скужающей девицы с пустыми глазами не осталось и следа.

Набегавшись, Ирина расслабленно кормила Ромку грудью. В такие тихие минуты стремилась как-то сблизиться со свекровью, подружиться, называла «мамой», по-женски даже расспрашивала *о личной жизни*. Городскова улыбалась, отшучивалась, проглаживая на высокой доске пелёнки и подгузники. Улетела домой со спокойной душой – невестка, как мать малыша, на правильном пути. Скребло, правда, душу, что сыну в квартире с маленьким места не стало. Пытался он, правда, в первые дни помогать. Но всё получалось у него неуклюже, с запозданиями. Его отталкивали от кровати. А если и давали подержать сынишку, – то руки дер-

жал растопыренно, корытом, из которого ребёнок мог просто выпасть. Ребёнка тут же отбирали. Смурной математик. Или, как говорят сейчас, ботаник. Выпускник МВТУ им. Баумана. Окончивший с отличием.

Первые годы вообще не могла понять, что их связывает. Кроме ребёнка. Как мужа и жену. Зачем они поженились. Есть ли любовь какая-то у них. Ей, матери, казалось, что сын и спал-то всегда отдельно. В своей комнате. Вместе с Ромкой, бумагами, чертежами и книгами. По крайней мере, когда она приезжала, он всегда спал там. Хотя квартира трёхкомнатная, и спальня у них, как хвасталась всем холёная сватья, шикарная. (Спальня и в самом деле напоминала царскую из музея, где ничего нельзя трогать руками, где только Ирина могла сидеть перед зеркалом (шикарным) и накладывать на лицо крем или маску.) Словом, – совершенно разные люди: она, любящая гостей, фейерверки, шумиху, он – словно не высывающийся из-за печи таракан. Которого все нороят прихлопнуть.

Но однажды дома, в Сургуте, среди ночи разбудил телефонный звонок. Захлёбываясь слезами, Ирина сообщила, что Валеру срочно положили в больницу. У неё упало сердце: что, что с ним? Говори ясней! В трубке только булькало. Потом прорвалось: «Аппендицит! Мама! Срочно прилетай!» Городскова выдохнула напряжение, чертыхнулась. Но уже утром вылетела в Москву. В палате московской больницы увидела сына с перевязанным животом и сноху. Чуть не

в обнимку на кровати. Припали друг к дружке. И улыбаются тебе выстраданно. Со слезами на глазах. Натуральное индийское кино. Да что же вы со мной делаете! Закалённая медсестра обняла голубков и заплакала. В полной с ними гармонии.

3

В начале февраля Городскова увидела Дмитриева в поликлинике. В коридоре второго этажа. Старик выходил из кабинета терапевта. Был он бледен, вытирал платком пот.

– Что с вами, Сергей Петрович? Заболели?

– Простудился, – всё вытирался, уводил глаза Дмитриев. Словно извинялся перед женщиной. Начал кашлять, тупо бұхать, закрывая рот платком. Пояснял: – Бегал в парке. На легке. ОРЗ. – Помотал рецептами: – В аптеку сейчас. Потом к вам, наверное. На уколы.

– Ещё чего! – Екатерина выхватила рецепты. – Сейчас же идите домой. Рот замотайте шарфом. В обед приду, всё сделаю.

Дмитриев полез в пиджак, видимо, за деньгами на лекарства.

– Идите, идите, я всё принесу.

Пошёл. На ходу обернулся:

– Так у меня и капельница...

– Идите, идите. Всё будет. Дома – побольше горячего питья.

Тощее напряженное бедро лежащего старика походило на жёсткую телячью ляжку.

– Расслабьтесь, Сергей Петрович. – Городскова воткнула

в ягодицу иглу. Укол медленный, болючий, но – ни звука от лысой головы, уткнутой в спинку дивана.

– Держите ватку.

Сразу схватился и натянул штанину пижамы.

Подвесила бутылку с лекарством на дверцу книжного шкафа. Змейки до старика хватало. Вена на сгибе локтя была как у молодого, проступала рельефно, наполненно. Спортсмен. Выпустила струйку из иголки, ввела. Зафиксировала пластырем. Наладила нужный ритм капель.

– Лежите, Сергей Петрович. Поглядывайте на бутылец.

Сама пошла на кухню. Приготовить что-нибудь старику. Потом в комнате возила лентяйкой, подтирала пол. Лезла под стол, под два кресла, норвила под диван с больным. Опять везла тряпку под стол. Там шуровала. Старик невольно видел её открывающиеся крепкие ноги. В тёплых полосатых, каких-то балетных чулках. Толстоногая балерина! Снова смотрел на «бутылец», которому, казалось, конца не будет.

Он несколько расслабился, размяк от спадающей температуры. На удивление много говорил. Называл её даже на «ты». Расспрашивал о жизни на Севере. Была ли замужем.

– Да сошлась там с одним. Когда уже сын жил в Москве. Расписалась даже. Года два всё было нормально. Потом он стал жить беспутно. Пил, девок менял. В общем, надоело. Развелась. Деньгами взяла свою долю за квартиру. Приехала вот сюда, на родину. Деньги, помимо разделённых, были.

Сразу купила квартиру. Теперь живу барыней.

Дмитриев смотрел на сгибающуюся женщину: врешь, дорогая, на барыню ты не похожа. Ты больше – собака, сука с тоскующими глазами. Ничего, всё ещё у тебя впереди. Время у тебя ещё есть. Старик был верен себе – он видит людей насквозь. А уж женщин – особенно. Неожиданно спросил:

– Катя, почему ты приходишь? Заботаешься обо мне, уборки всякий раз устраиваешь, готовишь?

:Женщина отжала в ведро тряпку, распрямилась с лентяйкой, тылом ладони откинула прядь со лба. Спокойно сказала:

– В память о вашем сыне, Сергей Петрович. Да и медсестра я, в конце концов.

Снова начала возить по полу тряпку.

– Но он пропал больше тридцати лет назад, – не унимался Дмитриев. – Он любил не тебя. Твою подругу. Которую и любить-то не надо было. Так почему?

Женщина приостановилась. Словно припоминая.

– Мы дружили с ним. – Продолжила возить.

Неудовлетворённый, Дмитриев смотрел в потолок, забыв про капельницу. Пытался вспомнить далёкое. Две подружки не разлей вода. Одна, Ленка Майорова, начала ходить с их Алёшкой ещё в десятом. Дружить, как тогда это называлось. Как верная подружка, Катька Городскова поддерживала влюблённых. Чуть ли не всем классам часто заваливались к ним домой. Тут уж Надежда привечала. Кормила голодных волков и волчиц, поила чаем с пирогами. Один раз да-

же встречали у них Новый год. Одни, без родителей. Отцу и матери пришлось уйти к друзьям. Потом Алёшка с Ленкой из-за чего-то разругался. То ли приревновал, то ли она ему на самом деле изменила. Тут его забирают в армию. Потом Афганистан. Ленка сразу выскакивает замуж. А их покровительница Катька Городскова ещё раньше куда-то из города укатила. Кто-то рассказал потом Наде – уехала вроде бы к старшей сестре. То ли в Надым, то ли в Норильск. Оказалось – в Сургут. И больше о ней никто и ничего. И вот появляется через тридцать лет... И сразу такое внимание... Почему?

Когда Екатерина ушла, с замотанным горлом хлебал щи за накрытым ею столом. Всё припоминал давнее. В телевизоре, зачем-то включённом Городсковой, опять разглагольствовал о достопримечательностях старой Москвы некий клоун. Выглядел дико – в русской ушанке, в каком-то армяке, но зато с дендинским стеклом, тростью, которой он жонглировал, показывал всё, а так же оттенял, подчёркивал свои слова. Точно с нею родился. Этакий доморощенный квасной лорд. Опять всё перевернули! Армяков в аристократы. Аристократов в армяки. Опять всё с ног на голову! Клоуны.

Чувствуя слабость, не хотел вставать, чтобы выключить телевизор. Продолжал мрачно хлебать щи. В груди, как в дырявых мехах, сипело, похрипывало, от сбитой температуры обдавало потом.

Однако ночью опять температура поднялась. Горел. Всё время кашлял. Длился и длился какой-то полусон, полубред.

Видел Алёшку пятилетнего. Алёшку, тонущего в реке. С высокого берега прыгнул к нему, но пока летел к воде, всё рассыпалось. И словно бы проснулся. Сидел уже почему-то на городском пляже, где под твист приседали, пилили песок Майорова и Городскова. Обе в купальниках. Одна длинная, гибкая, как прут, другая приземистая, плотная, с широким бёдрами. Солнце пряталось за них, играло в жмурки, а Алёшка, почему-то взрослый уже, как ни в чём не бывало ходил по всему пляжному лежбищу, пел, затачивал на гитаре. Получалось – зарабатывал на жизнь. Старик садился на диване, мокрый от пота. Шёл в ванную, снимал с себя всё, надевал сухое. В кухне из термоса наливал и пил заваренную Екатериной малину. Снова ложился. Опять проваливался в полубред.

Екатерина Ивановна позвонила в половине восьмого утра. Старик открыл. Щёки его были красными, как у матрёшки. Сразу поставила градусник. Почти 39. Разломил, дала половинку аспирина. С водой старик безропотно заглотил. Пока готовила укол, с тревогой слушала всё тот же бухающий кашель: не пневмония ли это? Вкатила в тощую ляжку антибиотик. Дала таблетки. На кухне разбила яичницу. Заварила крепкого чаю. «Приду в половина первого, Сергей Петрович!» «Спасибо вам, Катя. Дверь закрывать не буду».

В обед увидела старика сидящим на диване. С поднятыми высокими коленями. Журнал в руках. Лицо всегдашнее – сухое, бледноватое. Не кашляет. Ну, кажется, пронесло!

Быстро вымыла руки, стала готовить укол и капельницу.

С засученным рукавом пижамы Дмитриев лежал, мало обращая внимания на приготовления Екатерины Ивановны. Из всего ночного кошмара всё время возвращалась только одна картинка – тонущий в реке Алёшка. Его хлещущие воду ручки и исчезающая голова.

Сергей Петрович закрыл глаза, перекинул себя на бок, к спинке дивана, и задрал сбоку пижаму. Остальное – дело Екатерины.

Почувствовал на бедре холод спирта.

– Расслабьтесь, Сергей Петрович.

На самом деле он научил Алёшку плавать лет с четырёх. Сначала мальчишка сам, как всегда любознательно, опускал на мелководье голову в воду и рассматривал фантастическое, преломляющееся в солнце галечное дно. Ложился даже на воду. Но сразу уходил под неё, тут же вскакивал и хлопал себя по лицу. Точно боялся потерять глаза. Снова опускал голову в воду. Отец подхватывал его под животик. Мальчишка начинал лупить ногами и руками. Как и когда научился плавать – не запомнил. Уже постарше бойкими сажёнками всегда рвал за отцом на середину протоки и открывал по нему водяной огонь. Тот мало обращал внимания на брызги, вяло плыл себя дальше. Тогда Алёшка поворачивал и так же шустро махал обратно к берегу. К бухтящей пароходом матери. По ней открывал водяной огонь. То-то весело было!

Классе в третьем Алёшка Дмитриев задал читающему газету отцу первый провокационный вопрос: «Папа, а правда, что слово ТАСС означает – «Тайное Агентство Советского Союза?» И хитро прищурился. Он только что пришёл из школы. Он был в запоясанной гимнастёрке колоколом, на голове фуражка, за спиной – ранец.

Надежда (мать) смеялась до слёз. И от вопроса сына, и от его вида. Сам Дмитриев смотрел на отпрыска с удивлением и даже тревогой: с большой фантазией растёт сын, трудно ему

будет в жизни. Принимался досконально разъяснять аббревиатуру: «Понимаешь, сынок, это...» Надежда от смеха валилась на стол. Дмитриев поворачивал голову: и что смешного? А маленький провокатор стоял, раздувал ноздри. Соображал, какую ещё придумать всем кову.

В пятом он взорвал в классе петарду. На уроке географии. Елена Николаевна (географичка) рухнула в обморок. Её потом отпаивали. Всем классом. Сам провокатор суетился больше всех. Прыскал водой на лицо. Приподнимал и усаживал. Это его и спасло. Оказал первую медицинскую помощь. Из школы не выгнали.

Дмитриев сам налил Екатерине чаю и спросил, умеет ли Рома плавать.

Городскова удивилась вопросу. Однако воскликнула:

– Да где там! В Москве-то! Сергей Петрович!

Старик усомнился: ну а как же бассейны, Москва-река, пляжи?

– Нет, Сергей Петрович. Математическая школа. Он через козла-то в спортзале толком перепрыгнуть не может. Да и не выезжают они ни на какие пляжи. Мать всё в гости да гостей. Отец – в бумагах своих. Только и делают, что раскармливают мальчишку.

– Я научу его плавать. Приедет летом, и научу. У меня дача рядом с рекой. Прекрасный берег, чистое дно.

Посмотрел на женщину и опять неожиданно спросил:

– А вы с какого класса учились вместе с нашим Алёшкой?

Странные задаёт сегодня старик вопросы. Городскова уже собиралась, складывала свою сумку. Сказала, что с восьмого. В новой отстроенной десятилетке. А что, Сергей Петрович?

Та-ак, значит, в семилетке с ним не училась, про взрыв петарды в классе не знает.

– Да нет, ничего. Вспомнилось тут просто. Расскажу как-нибудь.

Он сидел тогда вместе с сыном напротив директорского стола. Закинувшаяся в кресле директорша походила на Будду. Постукивала карандашиком:

– Расскажи нам, Алёша Дмитриев, зачем ты это сделал? А мы послушаем.

Сверху Дмитриев тоже смотрел на сына, как голубь на своего пискуну: да, действительно, расскажи!

– Я хотел взорвать её вечером в парке, на танцплощадке, а она взорвалась у меня в классе, – сожалел взрывник. – Днём, Зоя Ивановна.

Вот это террорист растёт, онемели на какое-то время тощий Дмитриев и полная Зоя Ивановна.

После ухода Городскойой старик включил компьютер. Тут же на столе начал разбирать тетради с конспектами, искать нужную. В груди иногда словно чесалось. Кашлял.

Компьютеров тогда ещё не было. У Алёшки был кассетник. Постоянно с затычками в ушах – Алёшка мотал башкой. Тогда же, в классе седьмом-восьмом быстро научился на гитаре. Мальчишки и девчонки собирались у них в квартире.

Пели вместе с ним под гитару, напоминая подпольную радостную секту. Потом сдвигали стол, врубали магнитофон, долбили в рокэнрольной ломкой тряске. Или стелили, гоняли по квартире твист. Дом ходил ходуном. Соседи жаловались. Партийная Надежда только посмеивалась. Беспартийный Дмитриев хмурился – тлетворное влияние Запада. На неокрепшие умы. Вся орава катилась по лестнице вниз на улицу. И Алёшка впереди, явный лидер, заводила.

Старик почувствовал влагу в глазах, вытер её платком. Сосредоточился на экране.

В медучилище, куда Катька Городскова поступила после десятого, на первых занятиях старалась не смотреть на мужчину и женщину на учебном плакате. В коричневых деревьях вен и артерий они казались ей только что освежёванными. С них как будто содрали кожу. Подружка Ленка Майорова, сидящая рядом, плакат, казалось, не замечала – прилежно записывала всё, что говорили преподаватели в белых халатах.

Зато в анатомичке, куда на автобусе возили два раза в неделю, уже Катька подносила ватку с нашатырем к носу Ленки. Приседая, по глазам пыталась определить, упадёт та в обморок или нет. Выводила в коридор и вела. Как раненого воина с поля битвы – крепко под руку.

Через полгода Ленка ушла из медучилища. Вечерами стала ходить на подготовительные в педагогический. Богатенькие родители её были довольны – их девочка не теряет времени, продолжает работать над собой, готовится к новому поступлению.

Катька не могла капризничать из-за анатомички и разных плакатов – мать и отец получали мало. Поэтому упорно училась в училище, получала стипендию.

Вечерами иногда собирались у Алёшки. У Дмитриевых. Многие ребята и девчонки после выпускных разлетелись кто куда. Но костяк из шести-семи человек остался. По-преж-

нему пели под Алёшкину гитару, дурачились, съедали всё у Надежды Семёновны на кухне. Сам Дмитриев хмурился, но терпел. Уходил в свой кабинет. Когда башни у рокэнрольщиков окончательно сносило и дом начинал ходить ходунном – возникал в дверях. С глазами размером с тазы. Точно устыдившись таких глаз, вырубали маг, начинали собираться. Чуть ли не на цыпочках выходили. И с рёвом неслись вниз. И как поставленная точка – ударяла на весь дом подъездная дверь. Сергей Петрович вздрагивал. Поворачивался жене – и ты их привечаешь! Этих балбесов и балбесок!

Вспоминая те далёкие годы, Екатерина Ивановна ощущала их теперь как приснившийся какой-то спектакль, как некую оперетку, где вокруг уверенной в себе Майоровой, как вокруг смазливой героини, всегда танцевал восхищенный мужской кордебалет. Ленка только пела, солировала. В ожидании своего Альфредо, бойко вздёргивала ножки. И он явился на сцену. Алёшка Дмитриев. В десятом. Переведённый из параллельного класса. Словно выскочил из-за кулис. («Стелла! Это я!») И теперь они запели вдвоём. Взявшись за руки. Герой и героиня. А она, Катька Городскова, была подружкой героини, верной её служанкой, которой можно было поверять все тайны.

Часто ходили за город, в двухдневные походы. Один раз даже с родителями Алёшки.

Сохранились три фотографии того похода. Особенно заметной была одна, где ватага поёт у ночного костра. Даже

Сергей Петрович рядом с сыном разевает рот. На лицах поющих тёплый ответ костра.

Екатерина Ивановна вздохнула, закрыла альбом. Стала готовиться ко сну. Умываясь, с улыбкой вспомнила и своего первого ухажёра. В медучилище уже.

Комсорг группы Коля Трындин на собраниях мог зажечь девчонок в белых халатах. И даже второго парня в группе, Куликова. Который сидел за последним столом и выглядел оттуда, будто из своей деревни. И всё бы хорошо, но оказалось, что Коля не умел целоваться. Схватив её лицо, он впивался в губы как пиявка. Как будто стремился высосать из них всю кровь. Городскова мотала головой, не соглашалась. Молча шли по темной улице шагов десять – и он снова впивался. К тому же изо рта у него нередко дурно пахло. Карьер, как сказали бы сейчас. Орбит. Тройная защита нужна. Словом – мягко выскользнула из Колиных рук.

Недавно случайно встретила его в городе. Через тридцать лет. Бледный, в очках, был он как-то нечёток, мало узнаваем. Как плохо отпечатанный фоторобот на розыск. Оказалось, что и правда связан с милицией. С полицией теперь. Подрабатывает врачом в медвытрезвителе. Основной работы нет. Почему-то сказал ей об этом. Не постеснялся. На вопрос о семье ответил, что холост. Так и не женился. Были женщины, конечно, но не задерживались. Видимо, из-за его поцелуев. Засмеялся, пошёл от неё, махнув рукой: заходи! Куда, хотелось крикнуть. В медвытрезвитель? Даже не спросил о

её жизни.

Перед трельяжем мазала на ночь кремами лицо и руки. Всё вспоминала Колю.

Однажды он завёл её к каким-то старикам, у которых жил когда-то на квартире. При виде его старик и старуха вскочили, оба сразу заплакали, затряслись. Гладили его плечи, голову, заклёкиваясь радостными голосками. Как будто к ним зашёл не просто бывший квартирант, а вернулся сын. Давно пропавший сын. А Коля давал им гладить себя и только виновато улыбался,

Он был им никем. Просто бывшим квартирантом, занёсшим какое-то лекарство, о котором они тут же забыли. И вот плакали... Тот случай запомнился на всю жизнь. По нему и вспоминался потом Коля. Любой тогдашней девчонке в училище он был бы хорошим мужем. Хорошим отцом своим детям. Да ведь по молодости тогда поцелуйи всем правильные подавай, объятья, голливудские зажимы. Бедный Коля.

Мельком глянула на телевизор. На фуршете так называемые интеллектуалы. На шеях у всех по новой моде повязанные шарфы. В виде высушенных удавов. Рядом дамы истерично общаются. Будто все хотят писать. Ещё одна. Стоит отдельно. Чтобы лучше разглядели. В коротком платье будто колокол. С большими бантами на плече и бедре. Этакий дорогой, уже упакованный подарок. Для мужа или хахаля рядом. Не поймёшь. Прозрачный бокал держит на пальчиках, как чашу.

Переключила канал. «Почему ты не дождалась меня? Я же любил тебя! Скажи! Что нам теперь делать?» Вроде то, что нужно. Но поборола себя – выключила сериал. Утром рано вставать.

Глава третья

1

Дмитриев стал выходить на воздух. В старом толстом пальто сидел на скамье в парке. Над ним в оснеженных деревьях стояла белая туманящаяся тишина. Солнце висело в сизых облаках, как седой апостол.

На соседнюю скамью тяжело сели два старика. В стёганных, будто поддутых пальто, походили на двух клуш с одной палочкой на двоих.

– ...Ты говоришь, Иван, – физкультура по утрам. Да все движения у нас теперь это физкультура. Поднимаешься утром с постели – физкультурное упражнение. Присел, взял ночной горшок – физкультура. Идёшь по улице, тебя мотает во все стороны – это уже целый урок физкультуры. На воздухе.

Дмитриев встал, чётко пошёл. Х-хы. «Физкультура». Сидят целыми днями – и физкультуру им теперь! Не признавался себе, что хотелось подсесть к старикам. Поговорить. Но это было бы чёрт знает что! Для него. Человека с характером. Ххы, физкультура!

Уже чистили с домов слежавшийся снег. Как будто сбрасывали с крыш тугие мешки с мукой. Дмитриев обходил раз-

бывшиеся белые лавы, думал о старости. Подводил под старость философскую базу. Не имея к ней, старости, никакого отношения. Все старики не понимают настоящего, в котором живут. Им всё в нём неприемлемо. В лучшем случае – они его только терпят. Они живут грёзами. Они тащат на себе груз прошлого. И груз этот, в конце концов, раздавливает их.

Дома обедал. Ел гречневую кашу. С котлетами, приготовленными Екатериной. Вот тоже – зачем ходит? Говорит – в память о сыне. Давно пропавшем. Они, видите ли, дружили. Как на заказ, в телевизоре возникли американские пенсионеры-туристы. Голоногая группка в шортах тарасилась на пирамиду Хеопса. Пальма рядом. Верблюд. Все в пробковых шлемах. Закинули головы. Уже пальму разглядывают. В жизни не видели.

С ухмылкой смотрел. Бегают от смерти. По всему земному шару. Меняют города, страны. Думают, что время так остановят. Удлинят. Не будет оно бежать, лететь. Спокойно потечёт, поползёт, потянется. Как в молодости было. Ххы. Глубокое заблуждение. Не выйдёт! Нужно жить на месте. Никуда не бегать. Не пальмы разглядывать, а заниматься делом. Ежедневным, нужным делом. Время бежит, когда не следишь за ним.

Дальше наш невысокий рыжеватый глава государства встречал возле длинного стола своих соратников. Мимо него быстро промчалась радостная очередь с протянутыми пожимающими руками. Этаким быстрым лихой конвейер рук.

Мгновенно расселись, по-прежнему улыбаясь. (Ни минуты не потеряно государственного времени!) Точно прибежали на именины, а не заседание Совета безопасности. Тоже плохо. Тоже желчь. Дмитриев поднялся, понёс посуду на кухню.

Мыл. Вспоминал теперь сына. Алёшку. Его учёбу в школе. У него были любимые предметы и нелюбимые. Литература, география, история, химия – только пятёрки. Алгебра, геометрия, физика – два-три, два-три. Так и прохромал калекой до самого выпуска.

Неспособность сына к точным наукам не просто огорчала – поражала. Дмитриев смотрел на маленькую точную копию себя самого и не верил, что так может быть. Когда подсылаемый матерью сын подходил с простейшим примером, задачей и говорил «помоги, папа», при этом упрямо смотрел в сторону – Сергей Петрович растерянно улыбался. Он думал, что жена и сын его разыгрывают, обманывают, Но всё было именно так – сын был бездарен в точных науках. Всё больше стишата, поэмы. Евгений Онегин в школьной самодеятельности. Цилиндр как ведро на нём, свисающие рукава фрака без рук. Только с кончиками пальцев. Такая же Татьяна, будто лилипут. «Я вас любил, чего же боле». Надежда отшибла руки, хлопая своему сыну на сцене. Жаль. Не оправдал отцовских надежд...

Забыто держал тарелку под хлещущей лейкой. Закрыв, наконец, воду.

В прихожей раздался звонок. Нахмурился. Пошёл откры-

вать. Подруга Алёшки пришла. Легка на помине.

– Екатерина Ивановна! Я же здоров. Выхожу на улицу. А вы опять притащили полные сумки!

Раздевшись, женщина молча пошла на кухню. С сумками. Как отвоёванными ею.

Старик доказывал упрямой спине, что больше о нём беспокоиться не нужно. Он абсолютно здоров. Екатерина Ивановна! Так выговаривают бывшей жене, любовнице. Которая продолжает лезть в новую (после болезни, развода, разрыва) жизнь. Сколько можно!

– Я знаю, когда вы будете здоровы, – ответили ему, выкладывая продукты на стол. Свободный ворот кофты крупной вязки как живой упрямо болтался на женщине. В виде готовящейся к прыжку анаконды. Дмитриев даже отпрянул.

В комнате заиграла эсэмэска. И сразу вторая. Две иволги прилетели от Ромки. Это и спасло Екатерину. Старик разом забыл о ней и её сумках, читал сообщения. Сам тут же начал давить буквы в ответ. Большой палец работал быстро, уверенно. Екатерина смотрела. Сегодня пронесло. Скандальничать не будет. Вернулась в кухню. Крикнула:

– О чём пишет? Сергей Петрович?

Он тут же явился. Глаза его сияли:

– Вот, почитайте, Катя! Чего ваш внук достиг.

В эсэмэсках Ромка сообщал, что будет участвовать в соревновании. По шахматам. Екатерину Ивановну это не удивило. Участвовал. Не раз.

– Да как вы не понимаете, Екатерина! Он же талант! Вундеркинд! Он послан на турнир один из всей школы. Он же получит там разряд. Юношеский. В десять лет! Неужели непонятно?

Невелико будет достижение. Лучше бы спортом нормальным занимался.

Дмитриев был поражён. Вот это бабушка у Ромы. Не понимать всей важности, всей пользы для внука подобных соревнований!

– Да вы должны всячески его поддерживать, поехать в Москву! Быть рядом с ним!

– Я поеду. Но не на соревнование. – Городскова помолчала, продолжая разбирать продукты на столе: – Вы многого не знаете, Сергей Петрович. У мальчишки обнаружился высокий сахар в крови. Преддиабет. Ему нужно двигаться, играть со сверстниками. Во дворе. На стадионе. Где угодно. Скейт-борды там разные, боулинги. А он сидит над своими шахматами. К тому же ест без меры. Ирина говорит, что посадила на диету. Плачет, но кормит пустой едой. Только надолго ли её хватит. Ко мне его не отпускают – математическая школа. Где он круглый отличник.

Старик всерьёз опечалился.

– Простите, я не знал.

Екатерина вдруг спросила:

– А у вас в родне никто не болел диабетом?

Старик удивился, при чём тут он, Дмитриев. Его родня.

Сказал, что нет. Не припомнит.

– Вот видите! – воскликнула Городскова. Но тут же смешалась под взглядом старика. Не знала, куда смотреть. – А мой дядя Миша, брат мамы, умер от диабета. Выходит, это по моей линии и передалось всё бедному Ромке.

На доске тесаком ударила по вилку капусты. Отрубила кусок. Стала шинковать. С улыбкой уже говорила:

Только и надежда на вас, Сергей Петрович. На вашу дачу летом. На речку. На походы.

Дмитриев тут же подхватил идею. Стал развивать её. Предлагать новые планы. Замороженный скептик куда-то пропал. Руками на кухне размахивал пламенный подвижник. Воспитатель. Доктор Спок.

Ночью Екатерина плакала. В темноте видела глупого Ромку с лоснящимися щеками, самозабвенно поедающего целую жареную курицу (был такой случай). Потом такого же глупого тощего старика, который больным встал, притащился к ванной и судорожно рвал из её рук своё бельё, не давая заложить в машинку. Ушёл назад по коридору и лёг, кипя от возмущения. Тоже было.

Ещё летом как-то шла с тяжёлыми сумками с рынка через парк. Присела на свободную скамейку передохнуть. Вытираюсь платком, поглядывала на злое, обеденное солнце.

Напротив через аллею сидела пара. Женщина казалась гордой и недоступной. С глазами как серая пыль. Мужчина с расплюснутым хоботком походил на боксёра на пенсии. Он побалтывал с колена ногой в сандалии и рассуждал:

– Знаете, часто говорят: «Я с ним в разводе». В этом выражении есть что-то неопределённое, временное. Мол, всё ещё может измениться. Правильно нужно говорить: «Я с ним развелась!» Тут уж всё точно – враги... Что вы думаете по этому поводу?

Женщина посмотрела на боксёра сверху вниз, поднялась и пошла, что называется, передёргивая плечами. Вот тебе раз! Оказалось, что они незнакомы. Это у боксёра такой метод знакомства.

Словно тоже бросив растерявшегося мужчину, Городскова с сумками пошла. Невольно вспоминались и свои «замужества и разводы». Говорила ли так после них – «я с ним в разводе».

С мужчинами, и уж особенно с мужьями, Городской всегда не везло. Родила почти девчонкой, без мужа, едва успев окончить медучилище. Одна растила сына. Лет два-

дцать жила без мужей и любовников.

Когда Валерка уже в учился в Москве, сдуру сошлась с проктологом Жаровым. Работала в его бригаде хирургической сестрой. Шумный, общительный Жаров умудрялся пить, оставаясь при этом первоклассным хирургом. Любые трещины прямой кишки, любые геморрои иссекал на раз. Его пьяные прибаутки во время операций, его чёрный юморок сначала забавляли. Потом стали пугать. Не дожидаясь неминуемой катастрофы – ушла от него. На этаж ниже. К другому хирургу. Ганкину. Гораздо моложе Жарова. Тогда ещё не пьющему. Который резал грыжи и выколупывал простаты. Жарова это несказанно возмутило. «Ах ты стерва! Ах ты б...!» Начал строить разные козни. Нашёптывать Прохорову. Главврачу. Тоже не дураку выпить. За мензурками спирта всё время подсказывал ему планы изгнания стервы. Однако победы своей не дождался. Упал и замёрз. Глубокой ночью, в пургу. Добираясь домой из ресторана. Ей даже стало его жалко. Всплакнула на похоронах. Длинный Ганкин удерживал её на груди и тоже шмыгал носом: «Классным был Петрович хирургом! Ы-ых!»

Это не помешало ему потом доставать с ревностью. Ревновать к умершему. Требовать подробностей. Вскоре сам начал поддавать. И порой крепенько. Дальше и бабёнки пошли. Одна, другая, третья. И все из своих, из родного белого медперсонала. А ведь она уже была с ним расписана. Жила в одной квартире. Словом, тоже надоело. Как и с Жаровым.

Развелась. Взяла свою долю за квартиру. Уехала. В родном городе устроилась в поликлинику. В простой процедурный кабинет. Втыкать уколы и ставить капельницы. Да так оно и спокойней, чем опять стать штатной б... при каком-нибудь хирурге. Пусть и первоклассном.

Прожитые на Севере годы не отпускали. Иногда, как анекдот, вспоминался ещё один любовник тех лет. Милиционер Дронов.

С ним Городскова познакомилась на протестной акции. В 93-м. Пыталась ударить его фанерным плакатом. Дронов отступал, малодушно закрывался руками. Медицинские протестные соратники отобрали плакат. Опасались провокаций. Стала безоружной. Тогда милиционеры потащили и начали заталкивать в автозак. И больше всех старался униженный Дронов. Даже потеряв отважную Городскову, медицинские соратники не дрогнули, не отступили, продолжили вегетарианскую схватку с милицией – долго выкрикивали и размахивали плакатами прямо напротив окон администрации города.

Дальше началась какая-то фантастика. Через неделю Городскова и Дронов оказались за одним столом на дне рождения у общего знакомых. Сидящими рядом. Он спросил её, как дела. Она ответила: заплатила десять МРОТов. По твоей милости, мудака. Резонно, согласился он. Выпили. Закусили. Запели за столом песню. Проводил. Раз. Другой. Оказался у неё в постели.

Он был разведенный. И это хорошо. Но у него в колонии сидел сын. Шестнадцать лет. Наверное, поэтому он сразу начал строить Валерку. Ставил перед собой мальчишку и требовал полной отчётности. В форме – молчала, не трогала. Когда пришёл строить в штатском – спустила с лестницы. Вспоминать сейчас без смеха невозможно!

Сакраментальный вопрос об отце юный Валерик задал матери там же, в Сургуте. Увидев промчавшегося по улице весёлого каюра с оленьей упряжкой.

– Мама, а это мой папа проехал?

– Нет, – сказала мама. – Это не твой папа.

Странно, подумал Валерик. Ведь только таким и мог быть его папа. Весёлым, в морозном пару, крикнувшим ему ясно – «привет!» Было Валерику четыре года. Мама вела его в садик. И пальто и шапка, закутанные шалью, были у него обыкновенными. Не такими красивыми, как у пролетевшего папы.

Больше вопросов «о папе» Екатерина от сына не услышала. Во всё его детство. Не пришлось выдумывать ни про поллярника-папу, ни про лётчика-испытателя. Тоже папу. Валерик был умным мальчиком.

Иногда Екатерина Ивановна смотрела на пожелтевшую фотокарточку в альбоме. Каждый раз как будто не совсем узнавая её. Стоит на стуле мальчишка лет полутора. В коротких штанишках и гольфиках в шахматную клетку. Сразу по-

сле рёва – испуганный, напряжённый. Видимо, еле успокоенный матерью. Какое уж тут – «улыбочку, мальчик!». Фотографу бы поскорее успеть снять. Прежде чем снова разревется. Если считать эту фотокарточку пророческой – сын так и остался навек испуганным и напряжённым. Всё так же стоящим словно бы на том далёком стуле. Куда как только ставили – ревел. (Поставишь на стул – Ыаа! Снимешь – молчок.) В садике всё у него отбирали, ото всего отталкивали. Балбесы в школе постоянно сдували у него физику и алгебру, но потом как-то об этом забывали – поколачивали. Больше жалости Городскову брала досада: в кого он такой уродился? Сама она в карман за словом никогда не лезла. Ведь даже для всех безымянный отец его – в школьные годы был оторви да брось. Хулиганил, дрался, не спускал никому. А вот сын ответить не может, не может за себя постоять. Так и дальше пошло. Всегда отойдёт в сторонку. Или сразу зайцем стреканёт. Как стал референтом министра – непонятно. Так же и с женьбой, а потом и с семьёй. Не завоёвывал, не добивался. Всё как-то само. К его немалому, наверное, удивлению. Ирина со смехом однажды рассказала, как познакомилась с ним. На новогоднем вечере, в Бауманке. Один выпив в буфете бокал шампанского и окосев – на танцах он прыгал перед ней зайцем с сомкнутыми ногами, перепутав вальс с легкой-енкой. Потом вообще начал жутко колотить ногами об пол. Будто обезумевший цыган. И всё – под вальс. Его еле утихомирили. Екатерина смеялась вместе с невесткой, но на

глаза наворачивались слёзы.

Как всякая русская баба, Городскова любила смотреть по телевизору семейные склоки, захватывающие скандалы. И всё – в прямом эфире. С упоением слушать сплетни о так называемых «звёздах». Кто с кем спит. Кто от кого ушёл. Кто кого бросил. И так – до бесконечности. Каждый вечер садилась с вязанием к телевизору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.